

Войны Древней Руси

Валерий Шамбаров

КУЛНИКОВО ПОЛЕ

и другие битвы
Дмитрия
Донского

Войны Древней Руси

Валерий Шамбаров

**Куликово поле и другие
битвы Дмитрия Донского**

«Алисторус»

2014

Шамбаров В. Е.

Куликово поле и другие битвы Дмитрия Донского /
В. Е. Шамбаров — «Алисторус», 2014 — (Войны Древней Руси)

Переломный момент русской истории – битва на Куликовом поле – в центре сюжета книги известного российского писателя и историка Валерия Шамбарова. На общем историческом фоне автор прослеживает судьбу и самого князя Дмитрия, и Московского княжества, окруженного внешними и внутренними врагами: Ордой, Литвой, Рязанью, Тверью. Как удалось Москве победить своих врагов, в чем причина того, что именно она стала столицей Русского государства? Книга уникальна по своей полноте и иллюстративному материалу.

© Шамбаров В. Е., 2014

© Алисторус, 2014

Содержание

КАК В ОРДЕ НАЧАЛАСЬ ЗАМЯТИЯ	5
СВЯТОЙ БЛАГОВЕРНЫЙ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ДМИТРИЙ ДОНСКОЙ	11
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Валерий Шамбаров

Куликово поле и другие битвы Дмитрия Донского

КАК В ОРДЕ НАЧАЛАСЬ ЗАМЯТИЯ

Ночь бывает особенно темной и пугающей перед рассветом. Мрак как бы сгущается, становится осязаемым. Предутренний холод пронимает до костей. Наползает туман, искажает предметы. В шорохах, криках зверей и птиц, колыбании теней чудится угроза. Кажется, что оттуда, из черных глубин надвигается неясное зло, что оно уже торжествует... На Руси наступал рассвет. Но она еще не знала об этом, она жила как привыкла, по ночным правилам и представлениям.

Люди понимали – князя на Москве по сути не стало. Есть ребенок, которому еще расти и расти. Сидит с серьезным личиком с боярами, силясь понять, что они обсуждают. Его учат, подсказывают, почему ту или иную грамоту надо скрепить княжеской печатью. А кто учит, кто подсказывает? Со времен Калиты главными помощниками московских государей были митрополиты, но святой Алексей все еще томился в киевском застенке. На роль регента выдвинулся не кто иной, как Василий Вельяминов, дядя Дмитрия. О, сейчас он развернулся в полную силу. Казна была в его распоряжении, на ключевые посты можно было назначить своих людей, и какое решение примут бояре, если Вельяминов будет против?

Быстро сориентировался Ольгерд. Литовские набеги посыпались на Тверское княжество. Помощи оно не получило, Вельяминов не считал нужным тратить на походы, ссориться с Литвой. Зато в Тверь пожаловал митрополит Роман. Местный епископ не признал его, отказался даже встретиться. Но Роману было на это плевать – его признал князь Всеволод Холмский. А литовский митрополит за это по-своему рассудил племянника с дядей. Разумеется, рассудил не так, как святой Алексей. Предъявил Василию Кашинскому ультиматум – отдать Всеволоду треть владений. Как тут возразишь? Пришлось согласиться. Изрядный кусок княжества явно уходил под Литву. Роман мог бы запросить и больше, но Ольгерд предпочитал действовать постепенно. Все-таки не рисковал разозлить Орду. За целое княжество хан кинется воевать, а если потихоньку, может, и не раскачается.

Но в это же время прошла новая встряска в Сарае. Отцеубийство и захват трона Бердибеком понравились далеко не всем татарам. Недовольных возглавил Кульпа, один из родственников хана, – в прошлом перевороте его то ли забыли, то ли не сумели зарезать. Подкараулил подходящий случай, прикончил Бердибека и уселся на его место. По свидетельствам современников, он «много зла сотвори». Переказнил всех, кого считал врагами, сторонники Кульпы разбуянились, убивали, грабили что могли. Ну а русским князьям в подобных случаях требовалось бросать все дела, ехать к новому царю, улаживать подарками, чтобы получить новые ярлыки.

Нарушать обычай никто не осмелился. Засобирались на поклон. Но большинство князей опоздало. Кульпа властвовал всего шесть месяцев, и «много зла» было единственным, что он успел натворить. Его отправил на тот свет Науруз. Орда уже больше ста лет сосала соки из соседних стран, распространяла вокруг себя ужас. Но зло, как и добро, не исчезает бесследно. Оно возвращается к своим истокам, накапливается. Господство над народами баловало и разлагало татар. Теперь отвратительные фонтаны гноя плеснули наружу, разрывая саму Орду. Начиналось то, что русские летописцы окрестили «великой замятней». Если кто-то саблей, ножом или ядом проложил путь на царство, почему нельзя другим? Если кто-то поддержал нового хана и крепко поживился, другим тоже хочется...

Князья, ехавшие к Кульпе, должны были вручать подарки Наурузу. Должны были тщательно скрывать свое удивление, точнее – вообще ничему не удивляться. Улыбаться и унижаться как ни в чем не бывало, раскланиваться с новыми царедворцами, делать вид, будто они рассчитывали увидеть в Сарае именно Науруза и никого иного... Подневольная жизнь и традиции Орды приучили, что вести себя надо только так. Как же можно иначе?

Но из ордынских традиций научились и извлекать выгоду. Новгородцы задумали повторить старый план: пропихнуть в великие князья кого-нибудь из сыновей Константина Суздальского. Они делили отцовское княжество. Старший, Андрей, правил в Нижнем Новгороде, Дмитрий-Фома в Суздале, Борис в Городец. Тихий и благочестивый Андрей наотрез отказался от предложения «золотых поясов», в Сарае он просил лишь подтвердить ярлык на собственный удел. Но Дмитрий-Фома азартно загорелся попытать удачи. Имелся весомый аргумент – у московского Дмитрия до великого княжения еще нос не дорос. Хотя новгородцы и их кандидат позаботились об аргументах не менее весомых, привезли немереное количество денег и рухляди, «вдаде многие дары хану и ханше, и князем ордынским».

А корыстолюбивый Вельяминов поспешил. Не исключено, что он попросту погрел руки на ценностях, предназначенных для хана. Такое за боярином случалось. Но он рассчитывал, что много платить и незачем, великое княжение без того останется за Москвой, надеялся на поддержку давних сарайских друзей. Однако его друзей на месте не оказалось. Кому-то перережали глотки в сумятице переворотов, толстосумы позапирали дома и лавки, подались на время подальше от опасной столицы – в Хорезм, Тану, Кафу. О том, почему предшествующие ханы опирались на Москву, Науруз и его сообщники не задумывались. Они дорвались до царства и хотели сразу же получить побольше. От кого получили, тому и дали ярлык на великое княжение, – Дмитрию-Фоме.

Насколько же задрал нос суздальский властитель! Стараясь подчеркнуть свое положение, он даже переехал в запустевший Владимир. Впервые за сто лет великий князь поселился в древней столице, показывал всем, что истинное сердце Руси – Суздаль и Владимир, а не какая-то Москва. А тут как раз возвратился митрополит. Три года его продержали в тюрьме, но возмущалось духовенство, протестовал Константинополь. Ольгерд тоже хотел воспользоваться ордынской замятней, взяться за Русь решительнее. Прослыть святотатцем ему было ни к чему, и святого Алексея отпустили.

Дмитрий-Фома очень порадовался этому. Его коронация пройдет как положено, татарский посол возведет его на престол, митрополит благословит. Конечно, святитель переберется в свою официальную резиденцию, во Владимир. Будет, как и раньше, находиться рука об руку с государем. Что ж, святой Алексей не противился, благословил его. Ярлык был выдан царем, а царь – власть от Бога. Но... церемония прошла бледненько. Большинство князей на нее вообще не явились. А митрополит выразил и свое личное отношение к притязаниям Дмитрия-Фомы. Отслужив на коронации, сразу покинул Владимир, удалился в Москву.

Суздальский князь не понимал, что происходит. Он получил ярлык вполне законно, по ордынскому праву, но очутился почти в изоляции. Его осуждали, летописцы указывали, что он занял престол «не по отчине, не по дедине». А дело было в том, что на Руси почиталось не формальное юридическое право, куда выше ставилась правда. Дмитрий-Фома взял верх по праву, но не по правде. Он и хан Науруз легкомысленно сломали порядок, сложившийся вокруг Москвы. А люди успели осознать и ощутить правду этого порядка. Не желали отказываться от нее.

За поддержание московской правды взялся митрополит Алексей. Его появление в Кремле порадовало отнюдь не всех. Но святитель обосновался здесь прочно, переселяться не намеревался. Мальчика Дмитрия он взял под личную опеку, стал воспитывать, обучать княжеской премудрости. Занялся государственными делами, а опыта у него хватало. Спорить со святителем было затруднительно, Вельяминову волей-неволей пришлось потесниться, святой Алексей фактически возглавил правительство.

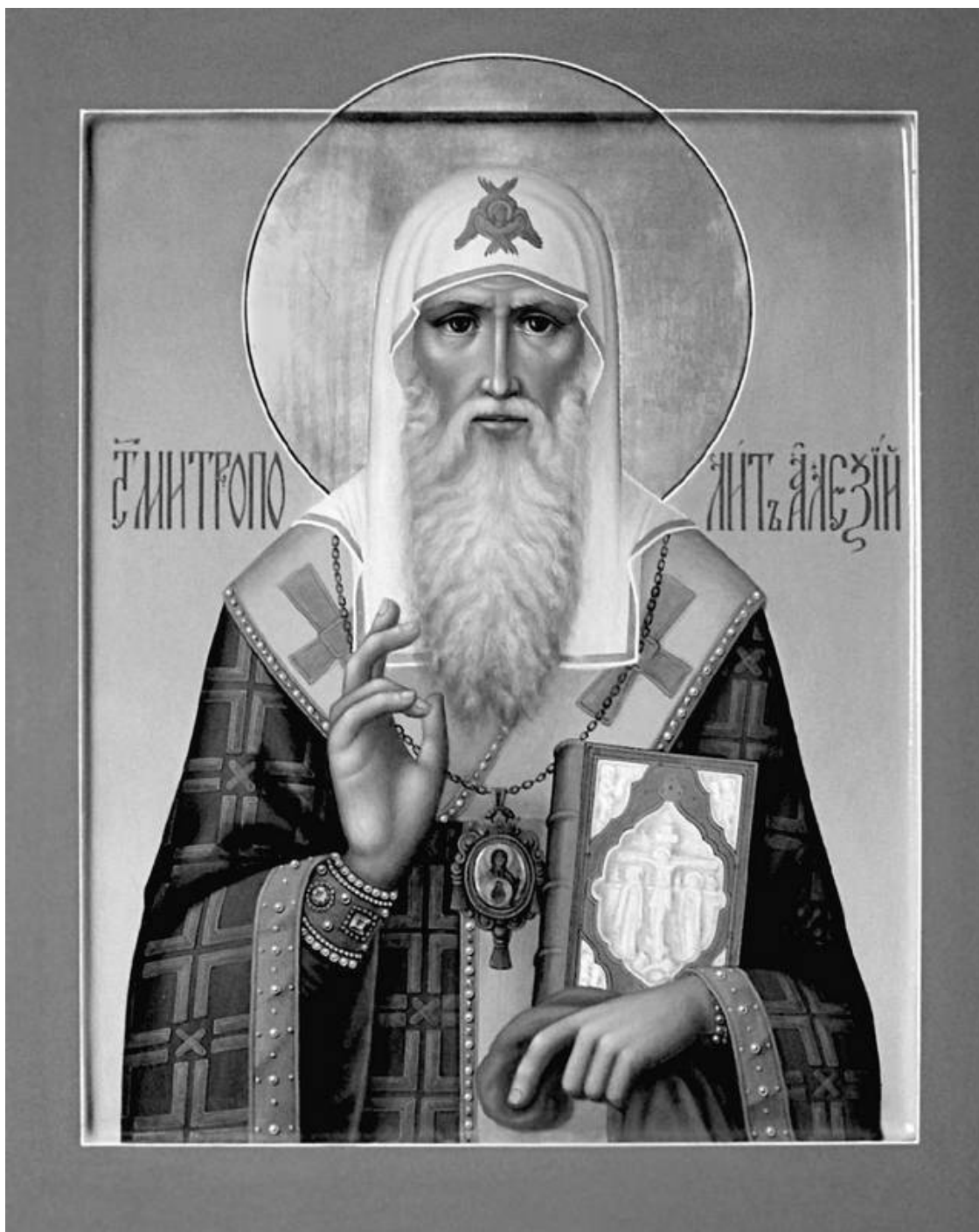
Но у татар порядок рушился куда круче, чем на Руси. На востоке, за Уралом, раскинулись владения родственников сарайских ханов, Синяя и Белая Орды. Батый в свое время обделил их. Золотая Орда купалась в богатствах, торговала, блистала разросшимися городами. В аральских и сибирских степях таких источников доходов не имелось. Здешние татары даже ислам еще не приняли, многие оставались язычниками. Жили кочевым скотоводством, брали дань с таежных племен, совершали набеги на Среднюю Азию. Сарайским сородичам завидовали, но и презирали их. Считали, что они изнежились и обабались, погрязли в городских удовольствиях и гаремах, преступили заветы великого Чингисхана.

Конечно, Золотая Орда была сильнее, но смуты расшатали ее. В Сарай нагрянул царевич Синея Орды Хидырь со свирепыми восточными степняками. В дикой резне сгинули Науруз с сыном, их царедворцы, жены, наложницы. Кого походя полосовали ножами, кого заживали в мешки и скидывали в Ахтубу кормить рыбу. Вместе с прочими обитательницами гаремов нашла смерть покровительница святого Алексея Тайдула. Мечети и дома распахнулись выбитыми дверями. Хлюпая сапогами по лужам крови и откидывая пинками трупы, захватчики жадно срывали ковры, взламывали сундуки. Но... трон освободился! А попробовать, как сладко жилось убитым хозяевам, было так соблазнительно! Хидырь въехал в разоренный дворец, его воины занимали оскверненные дома. Сгоняли жителей ремонтировать разрушения, заполняли гаремы недорезанными девушками.

Впрочем, и русские очутились тут как тут. Пример Дмитрия-Фомы и новгородцев, как можно использовать татарские перевороты, вдохновил других желающих. Обнищавшего ростовского князя Константина Калита пригрел, женил на собственной дочери, защищал от соперников. Но он втайне дулся: почему владеет не всем Ростовом, а только половиной, почему

должен подчиняться Москве? За заволжский Галич Калита в свое время заплатил дань, спас княжество от ордынских карателей. Тем не менее здешний князь Дмитрий тоже копил обиды – почему его выкупленные земли перешли под власть Москвы? Как только услышали, что в Сарае сменился царь, Константин и Дмитрий помчались к нему. Хидырь в русских делах не разбирался, деньгами был не избалован, брал недорого. Князья просили вроде бы законную собственность, Ростовское и Галичское княжества, хан запросто дал им ярлыки.

Великий князь Дмитрий-Фома против растаскивания государства не возражал. Ему-то что? Не у него отбирают, а у москвичей. Перед Хидырем он постарался выслужиться. В 1360 г. набезобразничали новгородские ушкуйники, пробрались северными реками в Камскую Болгарию, внезапно налетели и разорили второй по величине город Жукотин. Болгары разъярились. Набросились на русских купцов, невольников, ремесленников, находившихся в их стране, перебили тысячи невинных. А хан по болгарской жалобе приказал Дмитрию-Фоме сыскать разбойников.

Св. Алексей митрополит Московский и всея России чудотворец

Тот взялся за поручение основательно. Вместо того чтобы выслать в Новгород крепкую дружину, созвал в Костроме княжеский съезд. Очередной раз силился показать, что он отныне главный. Но со съездом сел в лужу. К нему прибыли лишь братья да Константин Ростовский с Дмитрием Галицким – москвичам напакостили, теперь жались к Суздалью. Остальные удельные князья приглашение проигнорировали. Правда, новгородцы не подставили под удар собственного ставленника, выдали ушкуйников – не всех, а хотя бы мелочь, чтоб великий князь смог отчитаться.

Но пока их везли на суд в Орду, там уже все перетряхнулось. Сокровища Сарая ослепили сына Хидыря, Темир-ходжу. Он умертвил отца, решил сам попользоваться захваченным царством. Хотя пользовался лишь шесть дней. Синеордынцы сцепились друг с другом, а в погромах уцелел темник Мамай. Поднял против пришельцев местных татар и отправил Темир-ходжу вслед за отцом. Но и сам не удержался. Его выступление сплотило синеордынцев, брат Хидыря Амурат призвал из-за Урала свежие силы и выбил Мамай из Сарая.

А между тем московское правительство выжидало, присматривалось. При победе Амурата прочие князья не стали спешить к нему, больно уж шаткой выглядела его власть. Но святой Алексей и кремлевские бояре учли как раз то, что положение хана крайне ненадежное, он будет рад любому, кто его признает. Их послы появились в Сарае раньше всех. Жаловались Амурату на давнего его врага, убитого Науруза, на прежних вельмож – дескать, проходимцы, продали ярлык за мзду. Царю это, конечно, понравилось. Он и сам был аналогичного мнения о прогнившей Золотой Орде. Решил показать, что он-то будет править иначе! Демонстративно поиграл в беспристрастность. Велел держать московского и суздальского послов под охраной, чтобы они не подкупали придворных (точнее, чтобы деньги не утекли мимо ханской казны). А потом рассудил: великое княжение принадлежит Дмитрию Московскому. Его возраст – не порок. Пока подрастет, у него имеются советники. Причем советники уже доказали, насколько они мудрые, – ведь догадались обратиться к Амурату.

Хотя авторитет нового хана оставался крайне низким. Даже Дмитрий-Фома его не испугался. Когда в Москву прибыл посол Амурата, возводить Дмитрия на великое княжение, суздальский государь отказался уступать. Направил дружину в Переславль, перекрыл дорогу на столичный Владимир. Однако святой Алексей и его правительство предвидели подобные препятствия. Ханский ярлык был у них, а дальше москвичи и сами справились. Поскакали, запылили по дорогам гонцы, собирая рать. Это был первый военный поход двенадцатилетнего Дмитрия. Рядом с ним на конях и в доспехах ехали младшие братики Иван и Владимир. Но под знаменами мальчиков-князей распоряжались взрослые командиры, гарцевали на лошадях и маршировали в колоннах взрослые бородатые ратники, и копьё у них были совсем не игрушечные.

Дмитрий-Фома не ожидал, что соперники решатся применить силу. Не ожидал и того, что у них такая многочисленная армия. Кичился – он во Владимире сидит! А сейчас на жиденькие суздальские дружины надвигались москвичи, коломенцы, можайцы, Звенигородцы. Присоединялись удельные князья – те самые, кто не явился на коронацию Дмитрия-Фомы и на его съезд. На жителей великокняжеского Владимира надеяться не приходилось. Они явно симпатизировали московскому государю.

Дмитрий-Фома прикинул соотношение войск, и сражаться ему не захотелось. Спокойно отступить, и то показалось опасным. Он бежал. Проскакал без остановки через Владимир, укрылся в родном Суздале. Но его никто не тронул. Ушел в свой удел, вот и спасибо. Дмитрий Иванович с полками остановился во Владимире. Летом 1362 г. он был провозглашен великим князем всея Руси. И у мальчишки коронация получилась куда более представительной, чем у предшественника. Важный татарин зачитал ханскую грамоту, святой Алексей служил в Успенском соборе, препоясал отрока тяжелым мечом. Собравшиеся князья как были, в походном облачении, целовали крест служить ему. Поздравляли друг друга, будто одолели не такого же мелкого князя, как они сами, а могучего внешнего супостата. Впрочем, эта победа была не менее важной. Они одержали верх над эгоизмом, над собственным разобщением.

СВЯТОЙ БЛАГОВЕРНЫЙ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ДМИТРИЙ ДОНСКОЙ

Кремль, построенный Калитой, никогда не бывал в сражениях, но через четверть века выглядел так, будто выдержал серьезную осаду. Известь, покрывавшая стены и башни, обваливалась, из-под нее проглядывала деревянная основа. Она пострадала при пожарах, там и тут была покрыта заплатками. Кое-где бревна разошлись, наружу вываливались камни и земля, которыми были забутованы срубы. Но люди привыкли к своей крепости. Забивали щели бревнами, подмазывали штукатуркой. Какая ни есть, а защита, главное убежище в опасности.

В общем-то, и городом считалось то, что находилось внутри Кремля. Храмы, причудливые резные узоры дворцов, теремов, двory монастырей. Густо лепились дома и дворики поменьше, победнее, втискивались между центральными площадями и обводами стен. Но Москве было уже тесно в крепости. Она выплеснулась в разные стороны посадами, слободами – там и строиться можно было просторнее, и садик разбить пошире да поцветистее, там звенели наковальни кузнецов, крутились гончарные круги, постукивали ткацкие станки.

Покосившиеся громады кремлевских укреплений и посадские улочки спускались к прохладной ряби Москвы-реки. Здесь всегда было людно. Москвички полоскали белье, судачили с подругами. В сторонке дымили бани. Между крепостью и рекой раскинулся базар – тут уж у любого глаза разбегались. Выбирай, чего душевнечке угодно. Мечи из лучшего булата, доспехи, заморские ткани, украшения хотя бы и княжне впору. А хлеба, крупы, овощей, фруктов, рыбы столько, что кажется, целому городу за год не съесть.

Дмитрий Донской. Художник В. Маторин

У пристаней колыхались десятки судов. Москва стояла на перекрестке. Если плыть по Яузе, попадешь к Мытищинскому волоку, таможенники проверят товары («мыт» как раз и означало «пошлина»), а местные мужики подработают, перетащат ладью на Клязьму – и отправляйся по ней к Владимиру или еще дальше: на Оку, Волгу, в Камскую Болгарию, Сарай. На Оку и Волгу можно было попасть другой дорогой, спуститься по Москве-реке к Коломне. А если свернуть с Оки на Проню, через волок суда выходили на Дон. Плыли к Азовскому морю, крымским берегам, в шумные венецианские и генуэзские колонии.

По Москве-реке открывалась и дорога к верховьям, к Можайску. Оттуда через притоки и волоки выводила на Днепр к Смоленску, на Верхнюю Волгу, к Твери. Хочешь – к Киеву плыви, хочешь – перебирайся на Волхов, к Новгороду. А на московском торжище среди русских рубаш, сарафанов, платков мелькали чужеземцы. Немец-суконник в мешковатом камзоле, береты и кургузые штанишки итальянцев, халаты бухарцев, хорезмийцев, белокурые литовцы с племенными татуировками, ордынские евреи с завитыми бородами и золотыми обручами на головах.

Но вот среди пестрой толпы прокатывалось, словно порыв ветра: великий князь! Сгибались в почтительном поклоне спины смердов и посадских, блестели любопытством глазки женщин, из-за спин лезли босоногие ребятишки, рассмотреть получше. Хотя картина была знакомой, ее видели чуть ли не каждый день. Стучали копыта по деревянному настилу улиц, в седле сидел худощавый мальчик с открытым светлым лицом, его сопровождали двое-трое дружинников. Он отвечал на приветствия, город был не таким уж большим, юный князь помнил многих подданных. Иноземцы тоже кланялись по обязанности: властитель есть властитель. О том, как и почему склонят головы позже, они еще не подозревали...

Обстановка вокруг Руси резко менялась. Амурат удержался в Сарае, но татарские эмиры и мурзы не признавали его, разбрелись с толпами воинов, с семьями, отхватывали независимые области. Появились самозванцы, выдающие себя за детей погибших царей. Держава развалилась. Отпали Камская Болгария, Мордовия, Хорезм. А уж кто в полной мере порадовался переменам, так это Литва. Равновесие в Восточной Европе сломалось, татарские войска рубились друг с другом. Значит, можно было не оглядываться на ханов. Послам германского императора Ольгерд откровенно заявил: «Вся Русь должна принадлежать Литве», – и даже потребовал, чтобы крестоносцы Ливонского ордена отказались от «права на русских».

Три татарских орды откочевали на правый берег Днепра, расположились в степях Буга и Поднестровья, рассылали баскаков по здешним городам. Но в 1363 г. Ольгерд двинул на них литовскую армию. На Синих Водах сокрушил ордынцев, присоединил Подолию. Прошел до самого Крыма, с налета взял древний Херсонес. Закрепляться тут литовский государь не собирався – слишком далеко. Он лишь наградил себя и воинов сказочной добычей. Литовцы славили Ольгерда, набивая мешки драгоценностями, связывая перепуганных горожан. Ободрали греческие храмы, нагрозили обозы утварью, окладами книг и икон, золочеными крестами. А потом Ольгерд с воинством нагрязнул в Чернигов. Это было поближе, чем Крым, это можно было захватить насовсем. Литовские границы передвинулись за Днепр, на Левобережье.

Византийцы давно уже отдали Херсонес генуэзцам, набег обернулся для них серьезными убытками. Торговая республика озаботилась. Раньше генуэзские и венецианские города подчинялись Золотой Орде. Подносили ханам подарки, приплачивали пошлины, взамен получали надежную защиту. А теперь? Но друг у них нашелся. От Амурата и его синеордынцев отступил на западный берег Волги темник Мамай. Он не принадлежал к потомству Чингисхана и по татарским законам не мог претендовать на титул хана. Зато у Мамаю были воины, авторитет, голова на плечах. Он подобрал одного из многочисленных царевичей, Авдулу, провозгласил его ханом. Стал руководить от лица марионетки, и татары потянулись к нему.

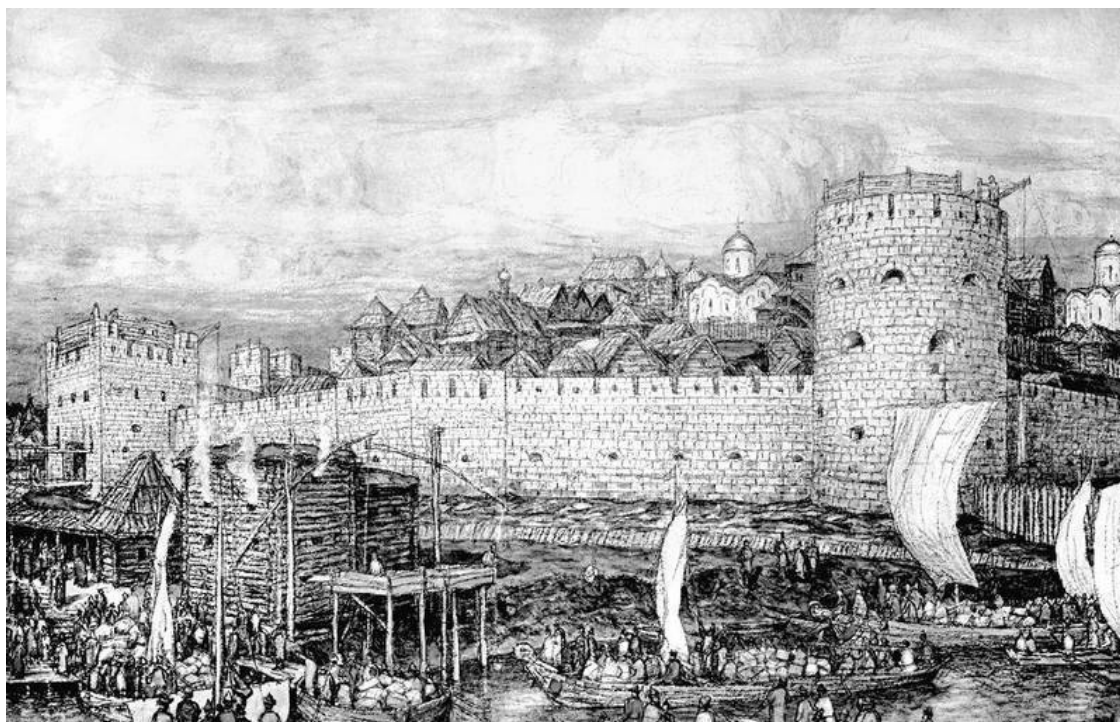
В генуэзской «Хазарии» нашли пристанище давние приятели Мамаю, сарайские купцы. Без труда сумели договориться. Рядом с Кафой торговал венецианский порт Сугдея (Судак). Конкурировал, мешал. Мамай подсобил, выделил отряды, и генуэзцы овладели Сугдеей. Ни о каком подданстве больше речь не шла, темник со своим ханом Авдулой подарил «Хазарии» полную независимость. За это купцы поддержали их, давали деньги. Мамай получил явное преимущество перед другими татарскими вождами – пленных-то продавали через черноморские порты. Чтобы сбывать «ясырь», надо было подчиниться Мамаю. Он стал хозяином территорий между Днепром и Волгой.

А Москву немало удивил неожиданный визит. Минуло лишь несколько месяцев, как посол Амурата короновал Дмитрия великим князем, и вдруг сообщили – во Владимире госу-

даря ожидает еще один татарский посол. Тоже жаждет вручить ему ярлык на великое княжение! Вскоре разобрались, второй посол был от Мамаю и Авдулы. Ничего удивительного на самом деле не произошло. Прислав ярлык, Мамай приглашал русских – ориентируйтесь не на Амурата, а на меня. Что ж, митрополит и бояре взвесили со всех сторон. В распоряжении сарайского хана остались лишь заволжские и уральские степи. Мамаева Орда была ближе, опаснее. Но она была способна и оказать помощь – против литовцев, прочих татарских ханов. Никаких причин для любви к Амурату у москвичей не имелось. Не кум, не сват, за великое княжение содрал немалую сумму. Правительство сделало выбор, приняло второй ярлык.

Но тут же возбудился суздальский Дмитрий-Фома. Увидел шанс обставить соперников. Прежде отказывался выполнять решение сарайского хана, а сейчас вдруг превратился в вернейшего его сторонника. К Амурату помчалась ябеда – Москва изменила, передалась твоему врагу! Хан взбеленился, и недолго думая переиначил приговор. В награду за донос послал ярлык суздальскому князю. Дмитрий-Фома торжествовал. Вон как щелкнул по носу московского несмышлениша! Будет знать, с кем тягаться! Не стал терять времени, мгновенно въехал во Владимир. Правда, не забыл и полученного урока, поспешил воспользоваться правами государя, кликнул к себе удельных князей с дружинами.

Однако его триумф обернулся позорнейшей осечкой. На призыв отозвались лишь те, кому единение Руси встало поперек горла, – Константин Ростовский, Дмитрий Галичский и Иван Стародубский. А раздуть усьобицу Москва не позволила. Ратники Дмитрия Ивановича исполчились так быстро, что противники не успели собраться. Даже договориться между собой не успели! Дмитрий-Фома величался на престоле всего 12 дней, а к Владимиру уже приближалась московская армия. С Амурата взять было нечего, кроме ярлыков. Чем он мог поддержать своего ставленника? Оставалось повторить недавний и невеселый опыт, удирать. Незадачливый суздальский князь упорхнул в родовой удел. Но московское правительство не желало повторять старый сценарий. Если честолюбивый претендент один раз не образумился, его надо было вразумить покрепче.

Московский Кремль при Дмитрие Донском. Художник А. Васнецов

Войско не остановилось во Владимире, повернуло на Суздаль. На штурм не лезло, осадных орудий не строило. Зачем губить русские жизни и город? Просто окружило Суздаль и принялось разорять окрестности. Это был общепризнанный способ феодальной войны, не слишком деликатный, но эффективный. Дмитрий-Фома и его бояре схватились за головы, им со стен хорошо было видно, как перетряхивают их деревни. Выручки ждать было неоткуда, даже родной брат князя Андрей Нижегородский осуждал авантюру. Укоризненно написал: «Брате милый, не рек ли я ти, яко не добро татарам верити и на чужая наскакати?..» Миротворительный Андрей все-таки заступился за Суздальскую землю, просил великого князя пощадить ее.

О том же задумались осажденные. Суздальским боярам абсолютно не улыбалось остаться нищими, и они нажимали на своего господина: надо сдаваться. Но тринадцатилетний Дмитрий первым из московских властителей проявил себя Грозным. Ясное дело, нужную линию поведения ему подсказал святой Алексей. Уж он-то, путешествуя по Руси, насмотрелся раздоров. Искоренять их требовалось решительно. Дмитрия-Фому наказали, выслали из Суздаля в Нижний Новгород под надзор к благоразумному брату. Московские отряды поскакали к его союзникам. Всех лишили уделов, как мятежников, Дмитрия Галичского и Ивана Стародубского отправили туда же, в Нижний, Константина Ростовского сослали в Устюг.

Впрочем, наказали ненадолго, для острастки. Предупредили, чтобы впредь было неповадно. Москва выиграла, мстить было незачем – полезнее налаживать взаимопонимание. С подчинением Мамаю, как выяснилось, угадали. Амурат недолго усидел в ханском дворце, на смену ему вынырнул некий Азиз. Но спокойствие и благополучие в те времена были недостижимой мечтой. В 1364 г. на Русь нагрянуло уже испытанное, но от этого не менее жуткое бедствие. Чума.

На этот раз она не искала окольных путей, приползла с востока с азиатскими купцами. Обнаружилась на рынках Нижнего Новгорода, перекинулась в Коломну, Рязань, Тверь, Смоленск. Собирала обильные жертвы по Москве, Владимиру, Ростову, Переяславлю. Нынешний мор оказался изощренным, обманчивым. Он прекращался, и люди облегченно вздыхали, служили благодарственные молебны. Но поветрие накатывалось второй, третьей волной. Сколько жизней оно оборвало, никто не считал. Известно лишь, как поредели княжеские кланы. Не стало Андрея Нижегородского. Легли в могилы защитник Пскова Евстафий Изборский и его дети. Преставился Константин Ростовский с супругой. В Твери упокоились вдовствующая княгиня Настасья, три ее сына, их двоюродный брат Семен. Московский великий князь Дмитрий потерял мать и брата Ивана...

Первыми детскими впечатлениями государя были похоронный плач и траур, в юные годы все повторялось. Но удары не надломали его душу. Наоборот, выковывали характер. Разве Господь не показывал воочию, насколько суетны интриги и корысти? Года не прошло, как князь Константин бунтовал, мечтал урвать в собственность Ростовский удел. Нужен ли сейчас этот удел усопшему? А как грызлись с родственниками Настасья Тверская и Всеволод Холмский! Но смерть смахнула одним махом Настасью, Всеволода, двух его братьев. Что толку было в их ненависти, хитростях, подсиживаниях?..

Князь вырос очень набожным. Он ежедневно бывал в храме у обедни, не пропускал никогда. В посты каждую неделю причащался Святых Таин. Под княжеским платьем, на голом теле, носил грубую монашескую власяницу. Уж кто из княжеских и боярских детей не разохотился попробовать себя с податливой девкой-холопкой? Это не считалось серьезным грехом, духовники юношей понимали: играет кровь да любопытство. А Дмитрий даже во взрослых летах поражал окружающих чистейшим целомудрием, почти девичьей стыдливостью. Но он был великим князем, и святой Алексей учил, что для него недостаточно угождать Господу обычными человеческими добродетелями. Он обязан блюсти вверенную ему Богом землю. За

каждый шаг государю предстоит ответить перед престолом Всевышнего. Смотри – где польза, а где вред, что допустимо, а что нет, где карать, а где миловать.

Катившиеся одно за другим убийственные поветрия повлияли не только на Дмитрия. В полувымерших городах и селах возросло новое поколение. Молодая поросль среди поредевшего, изломанного бурями леса. Оно во многом отличалось от предшественников. Было более упорным, энергичным, трудолюбивым – иначе можно ли было выжить, обустроиваться заново? Это поколение глубже обращалось к вере, было более смелым и самоотверженным. Много ли значат земные блага и сама жизнь? Сколько людей вокруг берегли их, но разве уберегли? Уцелевшие русские становились более сплоченными, близкими друг другу. Кормили сирот, брали на воспитание. Исследователи предполагают, что именно тогда в русский язык вошло обращение ребятишек к чужим старшим – дядя и тетя, как к родственникам [50].

А у государя самым близким в семье остался двоюродный брат Владимир Андреевич. Двое сирот сдружились, были заодно во всех делах. Если двое рука об руку и спина к спине, попробуй-ка одолей их! По совету святого Алексия они заключили договор. Владимир обязался уважать Дмитрия «как отца», безоговорочно повиноваться ему. Дмитрий целовал крест, что всегда будет Владимира «любить, как меньшего брата». Повыбило, покосило княжеский род, а он сохранился, в лице двух юношей отныне существовала целая семья: как бы отец, сын, братья.

Увы, даже катастрофы не смогли вытравить хищные повадки, укоренившиеся в сознании. Чума свела в могилу Андрея Нижегородского, а у него остались братья, суздальский Дмитрий-Фома и Борис Городецкий. По праву Нижний Новгород должен был перейти к Дмитрию-Фоме. Он был гораздо больше и богаче Суздаля, там княжили старшие. Но младший ринулся во все тяжкие. Резво сгонял послов к новому сарайскому хану Азизу, выхлопотал ярлык на Нижний Новгород для себя. Но и для брата подсутился, добыл ему... третий ярлык на великое княжение Владимирское! Пускай берет себе столицу, бодается за нее с Москвой, а он, Борис, станет хозяйничать на Волге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.